

Лара Выходцева

Живая кукла

<https://litres.ru/74461374>

SelfPub; 2026

Аннотация

В маленьком городке Милбрук восьмилетний Лео становится невольным свидетелем страшной тайны своей семьи. Он замечает тревожные детали: запертую родительскую спальню, странные покупки матери, приглушённый плач из шкафа и по-детски пытается сложить их в понятную картину. Его вывод ужасен и одновременно спасителен для психики: в шкафу живёт живая кукла. Но взрослые не хотят слышать правду: учительница списывает слова мальчика на фантазию, а отец на фоне всеобщего молчания будто бы и так всё знает. Спустя четверть века повзрослевший Лео по-прежнему одержим необходимостью видеть всё насквозь: в его доме нет закрытых шкафов, а в душе никакого покоя. Это история о том, как равнодушие и молчание взрослых калечат ребёнка, и о том, что спрятанное не исчезает оно прорастает в будущем, становясь вечной виной и бессонницей.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Живая кукла

Глава

Рассказ

1. Дом, в котором слишком тихо

Городок Милбрук, штат Мэн. Восемьсот с лишним душ, если считать тех, кто живёт в трейлерах у шоссе, и не считать тех, кто уже давно уехал и не вернулся. Один светофор. Одна заправка «Шелл», где бензин пахнет ржавчиной. Одна методистская церковь с облупившейся белой краской на колоннах. Лесопилка на северном конце города, которая кормит половину мужчин и забирает у них пальцы — по одному, по два, как Бог на душу положит.

Это мог бы быть любой город, даже у вас на родине. Неважно. Стены одинаково толстые, когда люди учатся не слушать. А люди учатся этому рано. Раньше, чем читать. Раньше, чем завязывать шнурки.

Семья Гаррисонов жила на Кленовой улице, третий дом от перекрёстка. Белый сайдинг, зелёные ставни, американский флаг на крыльце, который Том вывешивал на Четвёртое июля и забывал снять до Рождества. Газон стригли по субботам. Розы у крыльца. Табличка «Добро пожаловать!» с нарисованным подсолнухом.

Обложка журнала «Домашний очаг» за март восемьдесят

четвёртого. Вы её знаете. Вы видели такие в каждой парикмахерской, в каждой приёмной дантиста. Улыбающаяся семья. Собака. Пирог на столе.

Отец. Том Гаррисон. Сорок один год, хотя выглядел на все пятьдесят. Лесопилка съедает людей медленно, как ржавчина ест гвоздь. Он приходил домой в шесть ноль-три — Лео засекал по часам на кухне, потому что для Лео точность была способом удержать мир на месте. От него пахло сосновой стружкой и машинным маслом, и ещё чем-то сладковатым — так пахнет сок, когда лезвие пилы входит в живое дерево. Целовал Марту в макушку. Не в губы. В макушку. Как ставят печать на документ. Пил «Будвайзер» перед телевизором, смотрел «Ред Сокс» или «Селтикс», в зависимости от сезона, и засыпал на третьей подаче. Хруст. Хруст. Хруст пивных банок, которые Эмили потом сдавала в переработку.

Старший. Майк. Двенадцать лет. Бейсбольная бита в углу комнаты, перчатка на подоконнике, вонь потных носков из-под кровати. Громкий. Занимал собой всё пространство, как звук занимает комнату — полностью, без остатка. Когда Майк был дома, его было слышно на улице. Когда Майк уходил, тишина падала в дом, как вода в пустую ванну.

Младшая. Эмили. Пять лет. Бантики — розовые, жёлтые, в горошек. Куколки на полке, расставленные по росту. Хихиканье. То самое, серебряное, бессмысленное хихиканье, от которого у взрослых тает сердце. Эмили была солнышком. Эмили была тем, ради чего пеклись пироги и гладились ру-

башки.

И Лео.

Восемь лет. Средний.

Знаете, что такое быть средним ребёнком? Нет, правда знаете? Это не просто «ни старший, ни младший». Это быть зазором. Щелью между досками пола, куда проваливаются монетки. Ты уже не первенец, которым гордятся, которого фотографируют на каждый день рождения и первый зуб. Ты уже не малыш, которого нянчат, которому прощают, чьи капризы — это мило. Ты — тишина между радиостанциями. Белый шум. Помеха.

Лео научился быть невидимым так рано, что, кажется, он мог проходить сквозь стены. Не буквально, конечно. Но почти. Он не хлопал дверями. Не бегал по лестнице. Не просил добавку. Не плакал. Он *наблюдал*. Дети, которых не замечают, становятся лучшими шпионами в мире. Лучше ЦРУ. Лучше КГБ. Потому что они видят то, на что взрослые закрывают глаза. А взрослые закрывают глаза на очень многое. Им *нужно* верить, что мир нормальный. Что пирог на столе настоящий. Что улыбка на обложке не нарисована маркером поверх трещины.

Мать. Марта Гаррисон.

Красивая. Слишком красивая для этого дома, для этого города, для этой жизни. Скулы, которые хочется рисовать. Волосы цвета тёмного мёда. Руки с длинными пальцами, всегда в движении — поправляют скатерть, одёргивают рукав,

убирают невидимую пылинку. Она улыбалась соседкам через забор. Пекла яблочные пироги по рецепту из «Бетти Крокер». Ходила в методистскую церковь каждое воскресенье в платье ниже колена.

Но её улыбка никогда не доходила до глаз.

Вы знаете этот тип улыбки. Вы видели её у продавцов в дорогих магазинах, у политиков на фотографиях, у женщин на скамейке у парикмахерской, которые говорят: «У нас всё прекрасно, спасибо». Губы тянутся вверх. Зубы блестят. А глаза — глаза остаются мёртвыми, как стекло витрины.

В глазах Марты всегда был расчёт. Не злоба. Не жестокость. Хуже. Расчёт. Как у человека, который жонглирует гранатами с выдернутыми чеками и боится не взрыва — а того, что кто-то заметит, как сильно потеют его ладони.

И в доме было правило. Одно-единственное, но произносимое тоном, не терпящим вопросов. Том вбивал его, как гвоздь в доску:

— В спальню родителей не входить без стука. *Никогда.*

Дверь была всегда заперта. Не на щеколду. На ключ. Маленький латунный ключик висел на цепочке у Марты на шее, между кулоном-сердечком и нательным крестиком.

— Папе нужен отдых после смены, — говорила Марта. Мягко. С улыбкой. Той самой, до губ.

И все верили. Потому что верить проще, чем не верить. Потому что не верить — значит открыть дверь. А за дверью может быть что угодно.

2. Трещина в стене

У Лео были проблемы со сном. Не кошмары — нет. Кошмары были бы проще. Кошмар можно рассказать утром за завтраком, и мама скажет: «Это просто сон, милый», и мир снова станет круглым и гладким.

У Лео было другое. Он слышал, как дом остывает.

Каждую ночь, после того как Том выключал телевизор и дом погружался в ту особую, густую тишину, которая бывает только в старых деревянных домах в Мэне, Лео лежал в своей кровати и слушал. Скрип балок — дерево сжимается от холода, как сжимаются пальцы старика. Гудение труб в стенах — низкое, утробное, как далёкий стон. Треск штукатурки. Шорох мышей за плинтусом. Дом дышал. Дом жил. Дом был старым организмом, и Лео знал все его звуки, как слепой знает шаги своей матери.

И однажды ночью — ему было восемь, ноябрь, ветер гнал голые ветки по стеклу, как пальцы по барабану, — он услышал *другой* звук.

Из спальни родителей.

Не скрип. Не шорох. Не труба. Не мышь.

Плач.

Но не плач кошки — Лео знал кошачий плач, слышал, как соседская рыжая орёт в марте, призывая кота. Не ветер в трубе — трубы гудят низко, равномерно, как далёкий поезд. Это было другое. Звук такой тихий, такой сдавленный, будто кто-то засунул голову под подушку и пытается кричать через

толстый слой ваты. Через матрас. Через стену. Через весь мир, который не хочет слышать.

Звук, от которого у Лео свело живот. Не страх. Не любопытство. Что-то более древнее. Что-то, что живёт в каждом ребёнке и говорит: *здесь что-то не так. Здесь что-то сломано. И сломано давно.*

Он встал. Босиком. Холодный линолеум обжёг подошвы. Он не включил свет. Он никогда не включал свет в коридоре — знал, что половица у двери Эмили скрипит, а третья от стены — нет. Знал, что нужно прижиматься к левой стене, потому что справа, у перил, пол прогибается и стонет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.